The book cover features a stylized illustration. On the left, a teapot is partially visible. In the foreground, a large, vibrant red flower with a dark center and green leaves is prominent. The background is a mix of yellow and grey tones with wavy, organic lines. The text is arranged in three lines: the author's name in red, the title in yellow, and a subtitle in green.

Михаил
Кошкоч

Органские
Четки

и Баллады

Михаил Кошкош
Афганские четки и баллады

«Издательство «Перо»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Кошкош М.

Афганские четки и баллады / М. Кошкош — «Издательство
«Перо», 2019

ISBN 978-5-00150-075-9

Вы держите в руках книгу самых правдивых стихов об афганской войне. Многие из них автобиографичны, но все они неизменно точны и честны. Автор, сам прошедший через войну, простым и доступным языком рассказывает читателю о своем опыте переосмысления Жизни и Смерти, о верности, героизме, ненависти, совести, подлости, отваге и любви. Любви к Родине, дому, женщине и Миру. «Афганские четки» содержат 99 стихов, по числу бусин в мусульманских четках, 9 разделов по 11 стихов в каждом. И все вместе они создают картину афганской войны. К этим стихам можно и нужно возвращаться снова и снова, чтобы понять и принять то, что было уготовано пережить поколению сверстников автора и передать молодому поколению эстафету чести, достоинства, патриотизма и любви.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00150-075-9

© Кошкош М., 2019
© «Издательство «Перо», 2019

Содержание

Афганские четки	6
Четки времени	6
Афганские четки	8
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Михаил Кошкош
Афганские четки и баллады

© Кошкош М., 2019

Афганские четки

Четки времени

Тридцать лет назад советские войска ушли из Афганистана. Но на обочинах горных дорог остались не только остовы сгоревших машин и подорванных танков. За хребты Гиндукуша зацепилась молодость и судьба десятков тысяч парней. Вот и для Михаила Кошкоша Афганистан стал рубежом, точкой отсчета – не только жизни, но и творчества.

В его сознание навсегда впечатались афганская пыль и глиняные дувалы кишлаков, вспышка подрыва и горячечный бред на госпитальной койке. Время не отдаляет от прошлого, а память вновь и вновь возвращает к пережитому, делая отчетливей и острее картины армейской службы на обыкновенной войне. Детализация – часть художественного видения поэта, укрупняющая общую образную картину. Но именно часть, потому что основой его поэтики является выразительность, экспрессивность переживаемого. Изображения – дополняют чувственную рефлексию. Размышления – углубляют. Все вместе – составляют художественный мир поэзии Михаила Кошкоша.

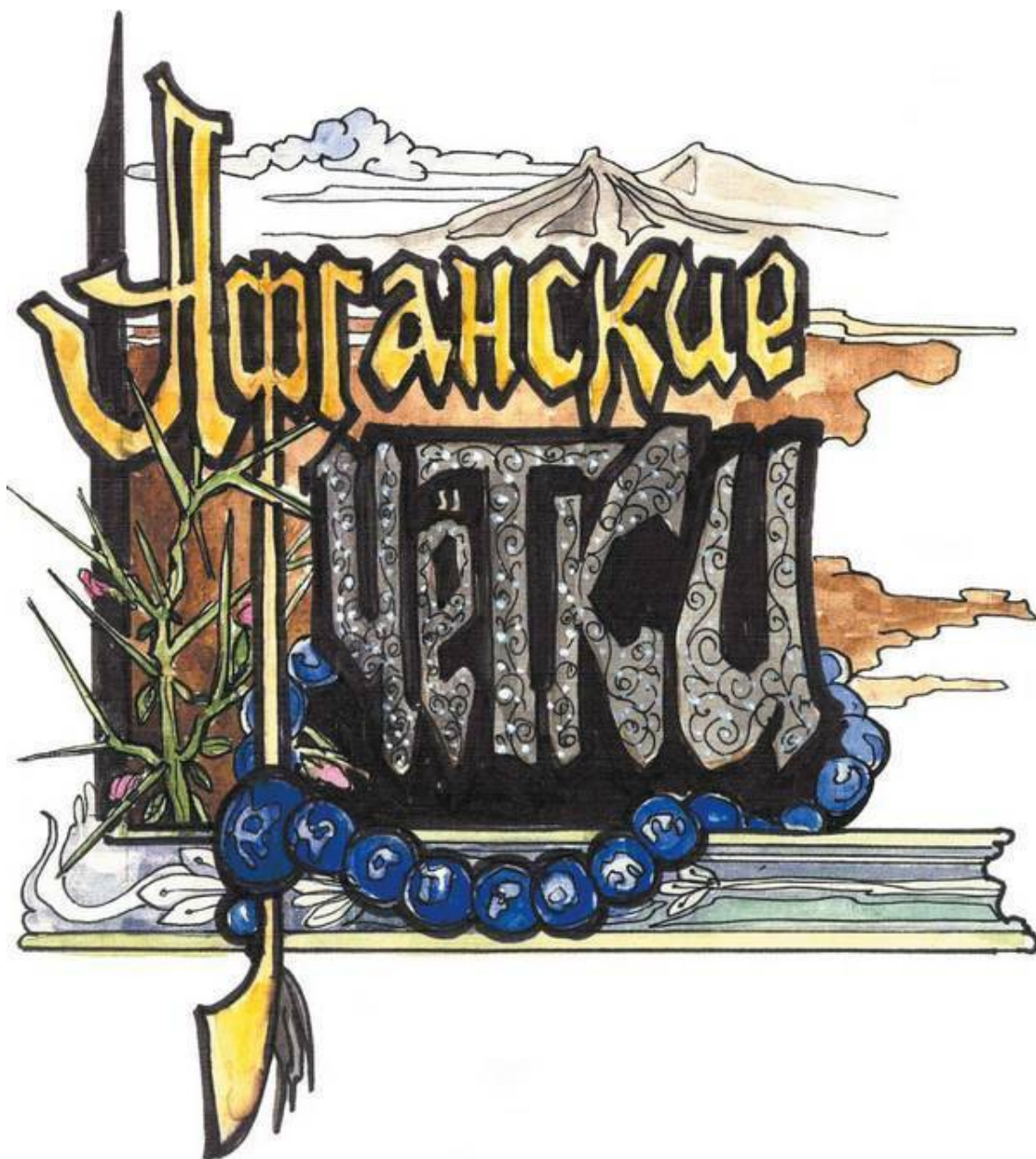
В «Афганских четках» поэт возвращается к себе двадцатилетнему. Он перебирает зримый калейдоскоп картин своего личного Афгана и заново переживает чувственный и ценностный катаклизм. И если эмоциональные потрясения буквально переворачивают, прожигают душу болью и страданием, то ценностные представления остаются неизменными в своей человечности и сострадательности. И каждый образ автор буквально пропускает через себя – сгорая в «броню» и падающем вертолете, умирая вместе с афганским стариком в разрушенном кишлаке и в бинтах медсанбата, сжимая ребристую гранату и перебирая последние патроны. И везде он предельно открыт и честен – перед собой, читателем и Небом. Поэтому откровенность его стихов привносит характер откровения. Человека на войне. Война, по сути своей, всегда одинакова. Человек – разный. Или ведет себя по-разному. Лирический герой Кошкоша – человек с достоинством. Это помогает определиться в ситуации, сделать выбор. А выжить – помогает любовь. С любовью к жизни и к женщине проходит автор и его герой через войну. Чтобы остаться самим собой – тогда и сейчас. И предьявить этому жестокому миру историю одной человеческой души. Неизменной в своей человечности.

«Афганские четки» – это еще и история возвращения с войны. Хотя, кажется, вернуться невозможно – война внутри, она въелась под кожу. Это война возвращается в ночных кошмарах – бесконечным повторяющимся боем. Тем не менее, каждое стихотворение – это победа над войной. В себе. Это исцеление. И урок. На возможное будущее.

Экспрессивная поэтика Михаила Кошкоша монохромна. Но это не лишает ее убедительности. Скорее, наоборот – однообразие цвета и интонации наиболее точно передают состояние человека на войне. И ее восприятие человеком – как меняющейся обыденности. Резкая смена, внезапность боя, вспышка, боль – и снова монотонный пейзаж и застывшее время. И беззащитное доверие судьбе – за полным отсутствием выбора. Точнее, выбор – в принятии судьбы. Ее бед и радостей. И рефлексивном осмыслении прожитого и пережитого. Где самым значимым и весомым оказывается афганское время. Которое до сих пор рифмует память. И в этих внешне простых словах Кошкош произвольно говорит больше и глубже об Афгане, чем все историки и политологи вместе взятые. Потому что в его стихах – ПРАВДА человека и его судьбы, складывающаяся в судьбу целого поколения бывшей державы.

Михаил Кошкош – потрясающе талантливый Поэт. Удивительно современный и глубокий. Он возвращает вкус к поэзии, к удовольствию от чтения. Тем, кто откроет мир его Слова, можно только позавидовать.

Владимир Олейник, доцент, кандидат педагогических наук

Афганские четки

1.1. Мне память перетряхивает душу

Мне память перетряхивает душу
И снова страшный сон соединит
Все звезды на вершинах Гиндукуша*
И звезды у могильных пирамид.
Друзей моих мальчишеские лица,
Военный неустроенный уют...
А утром мне захочется напиться,
Боюсь, меня не многие поймут.

Опять, сгорая, падает ракета.
Стреляет ночь по вспышкам сигарет,
И мы во тьму хоронимся от света,
Чтоб глупо не оставить белый свет.
Хлопки петард и зарево салютов
Натянутые нервы обожгут.
Давно война закончилась как будто.
Боюсь, меня не многие поймут.

В Афгане мы протопали немало.
Хранят следы от кирзовых сапог
Обветренная глина у дувалов*
И каменные осыпи дорог.
В краю песков и заповедной пыли
Мы тоже пролагали свой маршрут.
И где нас только черти не носили...
Боюсь, меня не многие поймут.

А как в жару мы бредили о влаге!
О кружке пива и глотке вина,
Особенно, когда в горячей фляге
Ни капли, ни росинки, ни хрена!
И можно выть, и можно лезть на стену,
И рвать бинты, и грызть зубами жгут...
Но если до конца быть откровенным,
Боюсь, меня не многие поймут.

Мы знали вероломство и измену.
И, сколько бы не стоила душа —
Навскидку устанавливали цену
Разменным магазином «калаша.»*
Сюрприз врагу – последняя граната
И ждать, когда поближе подойдут...
Мы даже смерть приветствовали матом —
Как жаль, меня не многие поймут.

Торжественная встреча в Хайратоне*.
Мечталось десять долгих лет о дне,
Когда домой отправятся колонны —
Последние колонны на войне.
Газетные страницы и экраны
Не скажут правды, даже песни врут.
Нам никогда не выйти из Афгана —
Как жаль, меня не многие поймут.

1.2. Рассказ военного советника

Казалось: дело будет кратким.
А что успешным – без сомненья.
И все закончится в палатках,
Как на обыденных ученьях.
А как бы вы предполагали? —
Страна на уровне мотыги.
Их архаичные пищали
И наши новенькие МиГи.
Ну, пошумим. Ну, постреляем.
Врагов отсеем через сито.
А если, что и потеряем —
Так на войне не без убитых...
Да если б кто сказал вначале,
Что здесь на десять лет работы
Такого умника считали б,
По меньшей мере, идиотом.

1.3. Из письма домой

...Родная! Я – в Афганистане.
Душа тревогою полна
Но ясно чувствую, как манит
К себе восточная страна...
Я в первый раз увидел горы —
О, это чудо из чудес!
Забудь пустые разговоры
О красоте равнинных мест!
Стоят из камня исполины
И согревает им восход
Хребтов натруженные спины
Что подпирают небосвод.
Долина – в утреннем тумане.
И в полусонной тишине
Нелепым кажется и странным
Орудий залп.
Мы – на войне...

Баграм, 1985 г.

1.4. Из письма домой

...Из-за кордона тайно шлют
Сюда убийц,
Оружье,
Мины.
И потому ветра несут

Не хмель садов, – а горечь дыма.
А значит, здесь необходимый
Как хлеб святой,
Наш ратный труд...

Баграм, 1985 г.

1.5.

Валере Новоселову, лучшему водителю 2 ИСР*

Горы. Мертвая дорога.
Безотчетная тревога
Тела, влитого в броню*.
Мимо серого дувала*
БТР* плывет устало,
В ночь плывет, как в западню.
Крепость. Трупный запах глины.
Остов взорванной машины,
Опрокинутый во тьму,
Может, здесь торчит сволота,
Растреножив пулеметы,
Да сморкается в чалму?
Тихо. Только в отдаленье
За разрушенным селеньем
По ущелью брызнул свет,
Да глухая канонада
За буграми винограда,
Да хлопки чужих ракет.
Эх, не дал бы Бог подрыва!
Курим молча, торопливо,
Прижимаемся к броне.
Грудь в рожках для автомата
Перехаживает матом
В ненавистой тишине
На войне...

1.6. Тоска

Здесь ничего не происходит.
Здесь никому до нас нет дела.
Мулла, в который раз, проходит
В замочной скважине прицела.
День – от вершины до вершины.
Ночь – от заката до рассвета.
Одноитожные картины,
Одноитожные сюжеты...

Прямоугольные строенья.
Жарой раздавленные крыши
И, брат, такое настроенье,
Что в двух словах и не опишешь.
Тоска съедает человека
До тошноты, до смертной дрожи.
Когда жара слипает веки
И пот, как вошь, бежит по коже.
Пылает каска самоваром.
Курнешь индийского гашиша
И прямо чувствуешь, как паром
Срывает собственную крышу.

1.7. Европа

Мы спецрейсом попали с небес на войну.
А когда перерезали стропы,
Со скалы потащили в чужую страну
Элегантную даму – Европу.
Озирала Европа чужие края,
То смеялась, то пела, то выла.
Нам неловко с Европою было, друзья —
Что скрывать, если так все и было!

Огорошил Европу армейский уют
И сортиры, «pardon»*, и манеры.
Обалдела она, повидав, как живут
На войне господа офицеры.
И вгонял ее в краску забористый мат,
И не сразу ее осенило:
Не ругаются матом, а так говорят —
Что скрывать, если так все и было!

Озадачил Европу туземный народ —
Азиатские хитрые лица,
Что Европе доставили столько забот,
Как еще ни одна «заграница»!
И народишко, выросший в средних веках,
Без приличной одежды и мыла,
Умудрился оставить ее в дураках —
Что скрывать, если так все и было!

1.8.

Под покровом чарикарской* ночи

Гор гряда бесформенно сера
Отовсюду – огненную строчкой
Прошивают воздух трассера,
Разрывает ночь огнем граната —
Снова у дувала* вспыхнул бой.
И в пылу атаки русским матом
Кроет «духов»* дерзкий «царандой»*.

Баграм, 1985 г.

1.9. Из письма домой

Не дождь, а пыли облака
Повисли в вышине.
И глины желтая мука
Садится на броне*.
В дыхании огненной степи
Плывут отроги гор,
Плывет по пыльному пути
Наш бронетранспортер.
И пекло плавленного дня
И пыль чужой страны
Искусно сделали с меня
Подобье Сатаны.
Когда приеду я домой,
Мне за год пыль не смыть...
И как смогла ты, ангел мой,
Такого полюбить?

Баграм, 1985 г.

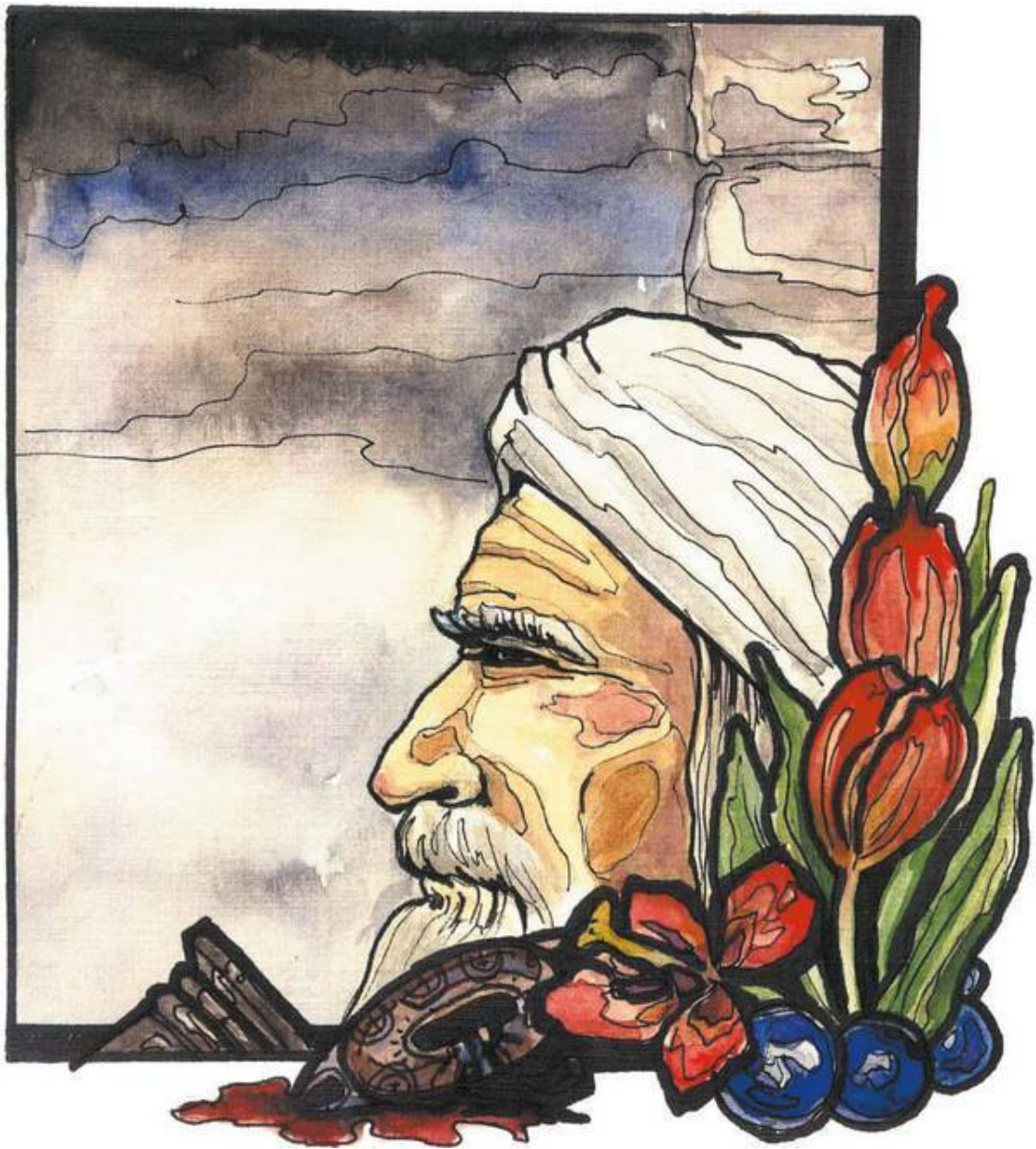
1.10.

Мирную колонну ослепило пламя
И прорезал воздух грохот ДШК*
По Дороге Жизни*, под наливниками*
Хлынула, пылая, адская река.
На пути к Салангу* обгорели камни,
В полотно дороги въелся керосин
И опять застыли (целыми рядами!)
Черные от гари остовы машин...
Ждут солдат Ислама щедрые награды
У борцов за веру – дел невпроворот —
От щедрот пьянея, парни просто рады
Бросить в реки крови собственный народ.

Баграм, 1985 г.

1.11. Баллада о двоих

Здесь, товарищ майор, ни к чему разговоры:
Мы остались вдвоем, только
Вы вот да я.
И еще эти Ваши любимые горы
Для которых не значите Вы ни х. я
Очень часто, майор, говорили мы матом.
Вот и в эти минуты последнего дня...
Там, в броне есть, я знаю, ручные гранаты
Принесите, прошу Вас, майор.
Для меня.
Не тревожьте мои бесполезные ноги.
Уходите, майор! И спасибо за жгут.
Отходите к реке ради господ Бога —
У реки одного Вас они не найдут.
Мы не дети, майор, сантиментов не надо.
Ни минуты не мешкайте. Времени нет.
Уходите с дороги на шум водопада,
Торопитесь, в ущелье стекает в рассвет,
Я не знал, что рассвет может быть таким жарким.
И какая небесная здесь пустота...
Наклонитесь, майор!
Это – радуги арка.
Эй, ключарь! Мы пришли!
Отворяй ворота...

2.1. Замполит

Под Киевом – метели,
Снега, да холода
Солдатские постели,
Солдатская еда.
Служили, как обычно;
Тащили пресный быт
И нам в беседе личной
Поведал замполит*,
О том, что есть на свете
Среди восточных стран
Волшебная планета
По имени «Афган».

Там в домиках из глины
Живет туземный люд,
Там грузовой машиной
Работает... верблюды!
Там девки – в одеялах!!
Там средние века.
Там по безлесым скалам
Сползают облака...
Добавил по секрету
Интимно, как друзьям,
Что скоро в сказку эту
Служить поедет сам.

Под Киевом метели,
Снега, да холода.
Ах, как бы мы хотели
Отправиться туда,
Где веет южный ветер
Теплее, чем в Крыму —
Набились мы, как дети,
В компанию к нему.

Приказ: «три дня на сборы.»
Нам все казалось сном.
Мы вместе едем в горы!
Одной командой!
Но... В последнюю минуту
Раздумал замполит:
Причины есть, как будто
Не ехать – говорит:
Беременна супруга
Да дел невпроворот.
Пишите, парни с Юга.
И с Богом! И вперед!..

Вой. Грохот. Канонада.
Три ноль одна. Баграм.
Работают два «Града»*
По ближним кишлакам.
С «учебки»*, из пехоты —
В саперный батальон.
Была седьмая рота,
Растаяла, как сон...

Моих друзей убитых
Я знаю, не поднять.
Вот только замполиту
Не хочется писать.

2.2. Письмо другу

Я письмо состряпал к другу,
Уложившись в пару строк,
Как отправили нас к Югу,
Оказалось – на Восток.
В край песчаный и гористый,
Где тепло, как в пекле. Но
О деталях «особистом»*
Сообщать запрещено!
Накалякал треть странички,
Дабы в курсе был друган,
О расценках «бочковички»*
И цене на местный «план»*.
О бесплатном винограде —
Отчего у всех понос.
И почти на полтетради
Околесицу понес:
О базарах и мечетях,
О верблюдах и ослах,
О словах, что знают дети —
Да простит меня Аллах! —
Словом, рассказы туриста,
Уяснившего одно:
О деталях «особистом»
Сообщать запрещено!

Не писать же, в самом деле,
Как жара свела с ума,
Как вконец осточертели
Глинобитные дома,
Как замучила «работа»
И глаза повыел пот,
Как вгоняет в гроб в два счета
«Туристический поход»!
Как в обнимку с автоматом
Фронтовые видим сны,
Как нам служится – солдатам
Необъявленной войны...

2.3. Проческа

В кишлак просочилась банда в «зеленке» под Чарикаром*.
Ночь теплая выдыхала рассеянный лунный свет.

И две наши бронегруппы* майор назвал портсигаром,
Захлопнувшим сонных духов, как дюжину сигарет.

Входили в кишлак бесшумно по высохшему арыку.
Дистанция – десять метров, по рации связь с броней.
И первым шел сухопарый, бесстрашный сержант Садыков,
А младший сержант Усманов – в десятке шагов за мной.

Воняло овечьим сыром, навозом и мокрой глиной,
Враждебно смотрели стены зрачками своих бойниц.
Я шел в первой группе старшим, и кто-то шепнул мне в спину:
«А как отличить душманов* от мирных гражданских лиц?»

Ночь брызнула трассерами. Взорвалась огнем ракеты.
Метались косые тени. Стрельба заглушала мат.
Смерть прыгала рядом с нами, куражилась в вспышках света
И лапала, как сладостена в кондитерской, все подряд.

С рассветом у минарета закончили мы работу.
От теплого чая сразу почувствовал, как устал.
Потом на броне Садыков рассказывал анекдоты.
Смеялись. Один Усманов о чем-то своем молчал.

2.4.

Война уснула в кишлаке,
Оставив стражем страх,
Когда с светильником в руке
В кишлак вошел Аллах.

Ночь, сквозь проломленный дувал*,
Струила лунный свет,
А дым пожарищ застилал
Светильники ракет.

Темнел у ног Его арык*
В запруде мертвых тел.
И не узнал Его старик
В оптический прицел...

2.5. Падение

Самолет – серебристый крест
На груди молодого дня.
Мы, низвергнутые с небес.

Сколько жизней и столько мест
В чреве греческого коня.

Зыбко ходит земная твердь.
Разрываются облака.
Можно плакать и можно петь,
Можно просто плевать на смерть.
Можно матом орать,
Пока
Не воткнется троянский конь,
Прямо с воздуха, на лету
В пожирающий все огонь,
В пустоту...

2.6. Ангелы

Дождь качал тяжелую сирень.
Дедушка мой умер в этот день.
Наш Полкашка жалобно скулил.
Я о смерти бабушку спросил
И открыл мне детский интерес:
Ангелы спускаются с небес...

Горы. Потревоженный кишлак*.
Духов, как нерезанных собак,
Наша осажденная броня,
Снайпер, что прицелился в меня...
И ломает крылья за спиной
Белый ангел, падая за мной.

2.7. Письмо с войны

Как ты живешь, любовь моя?
Какие видишь зори?
Мне напиши, любимая,
В афганские предгорья.
Меня от пуль перекрести.
Желай счастливого пути.
Здесь жизнь созвучная, прости,
Со словом на заборе.

Тепло твоих любимых рук
Дойдет ко мне в конверте.
Оно сильнее всех разлук,
Сильнее даже смерти.

Воды целебнее живой
В стране, отравленной войной.
И пусть кровавою слюной
Все захлебнутся черти

Когда закончится Баграм*,
От счастья замирая,
Я прилечу к твоим губам,
Любимая, родная.
Пока без нас уходит борт*,
Летит на север самолет,
В предгорьях птицею плывет,
В весеннем небе тая...

2.8.

Мне совсем не много надо:
Свежесть утреннего сада,
Ароматная сирень,
Хмель, вцепившийся в плетень,
Одинокая кукушка.
Одуванчики – веснушки,
Деловито пьющий сок
Шмель, качающий цветок.
Запах скошенного сена,
Мост, застрявший по колено
В отражении реки,
Сумасшедшие сверчки.

Мне совсем не много надо:
Солнце в грозди винограда,
Небо в золоте аллей
Привокзальных тополей,
Капли огненной рябины,
Кракелюры паутины,
Дождик, медленный, как сон —
Недовольствие ворон.

Мне совсем не много надо:
Белый сумрак снегопада,
Ледяные холода,
В небо вмерзлая звезда,
Провода, что шутки ради,
Чертят нотные тетради
И глазеет в них одна
Любопытная луна.

Мне совсем не много надо:
Если ты со мною рядом.
Зимней ночью, в летний зной
Лишь бы ты была со мной

2.9. Песочные часы

Там майский луг и брызги солнца в росах,
На бересте – со вкусом детства сок.
А здесь песок пустыни. И раскосый
Жаровой пекла выжженный Восток.

Здесь солнца яд со вкусом горькой пыли
И пить его немало долгих дней,
Нас просто в гости к Смерти пригласили.
Здесь запросто свести знакомство с ней.

2.10. Сон

За чужими горами – глубокая синь
Летним солнцем согретых небес...
Там медовые травы, чабрец да полынь
Убегают в березовый лес.
Там звенит над прохладным ручьем мошкара,
А вода в роднике – как вино...
И полынь, и родник мне приснились вчера
До войны,
До рассвета,
Давно...

2.11. Здесь

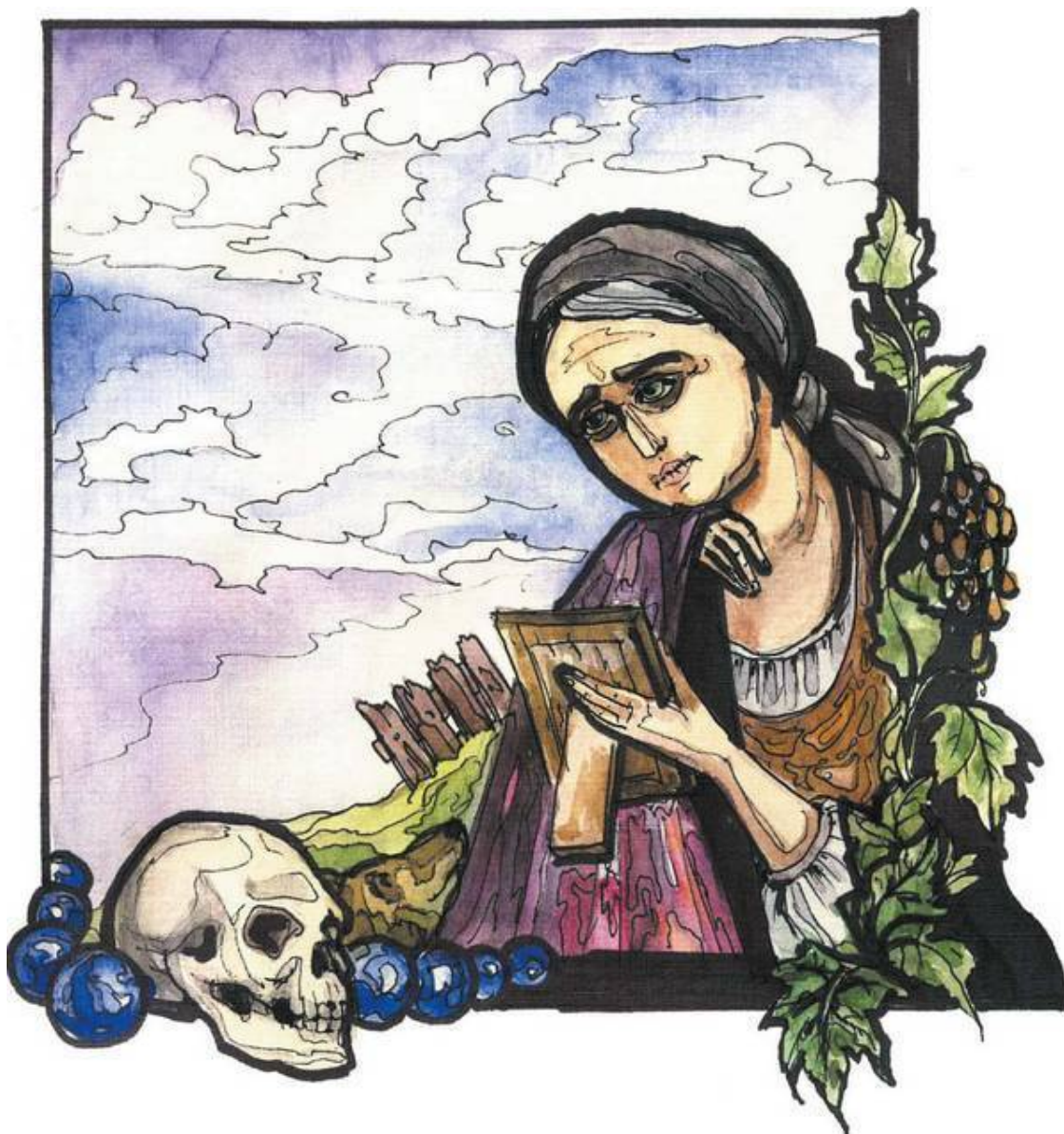
Здесь воздух крепче водки! —
Жара под пятьдесят.
Броня*, как сковородка,
Поджаривает зад.
Слипаются ресницы,
Слепит соленый пот.
И как не материться?! —
Кто знает, тот поймет.

Затянет ветер песню —

Все скроется в пыли!
Не видно, хоть ты тресни,
Ни неба, ни земли.
Не плюнуть, не напиться —
Глазеешь, точно крот.
И как не материться?!
Кто знает, тот поймет.

Здесь молятся Аллаху,
А мы, не разобрав,
Суем свою рубаху
И тычем свой устав.
Забьет нас за граница
Могильной глиной рот.
И как не материться?! —
Кто знает, тот поймет.

Сменять бы к черту разом
И страх, и пыль, и зной
На строчку из приказа,
Что нас вернет домой!
Мне дождь ночами снится.
Березка у ворот...
И как не материться?!
Кто знает, тот поймет.

3.1. Дорожная история

Броня* проткнула глиняный дувал.
Вошла в него по топливные баки,
Роняя покореженный металл —
Фугасом* перерубленные траки...

Стреляли в злобе. Вскидку. Наугад.
Пока в рожках не кончились патроны.
И мерз от нервной дрожи лейтенант —
«Заменщик»* из второго батальона.

Потом, по обезвоженной пыли
Мы с Пашкой очень бережно, без спешки,
На старом одеяле, поднесли

Андрюху к уцелевшей БЭМПешке*...

Сочился серый дым из кишлака —
И в жидком, расслоившемся тумане
Котенок жался к телу старика,
Расстрелянного в собственном дуكانе*.

3.2.

С затаенной грустью буду слушать,
Как летят по небу журавли,
Согревая горы Гиндукуша
Трепетным теплом родной земли.
И от этой песни журавлиной
Будет часто видеться во сне
Голубое небо Украины
В стылой Чарикарской* вышине.

Баграм, 1985 г., госпиталь

3.3.

Ты не печалься обо мне, родная.
Не грусти.
Меня в тревожной тишине
Беспутного прости.
Прости, как сердце заболит,
О том, что нет вестей.
От всех невзгод меня хранит
Тепло души твоей...

Баграм, 1985 г., госпиталь

3.4. ПЕСНЯ (Из Светлова)

Ночь пришла к расстрелянной колонне.
И броня* запуталась во мгле.
Парень в обгоревшем шлемофоне
Умирает на чужой земле.

Пыльная афганская дорога
Черная от гари и крови.
«Дай мне, Бог, пожить еще немного,» —
Шепчет безымянный шурави*.

Только звезды смотрят равнодушно, —
Ночь давно ослепла от ракет.
И лежит в могиле Гиндукуша*
Кровью заплывающий рассвет.

А потом, в молчании суровом,
Горячо любимая страна
Всунет матерям и юным вдовам
Пахнувшие краской ордена.

3.5. Баллада о матери

Получила старушонка
На Андрюшку похоронку...
Сентябрем пропахла осень,
Небо плакалось с утра.
Была, кажется, суббота,
Да обычные заботы...
Да, домашние заботы
Не пускали со двора.

Получила старушонка
На сыночка похоронку.
Прибрала бумажку к письмам,
Обмахнула чистый стол
И достала из буфета
Два Андрюшкиных портрета,
И зачем-то их при этом
Пообтерла о подол.

Отнесла собаке кости:
«Мой сынок приехал в гости.
Он тебе, подлец, покажет,
Как татарить огород!
Что ты, глупый, лижешь ноги,
Мой Андрюшенька не строгий.
Да и то, устал с дороги,
Почитай, за целый год...»

Посмотрела мать с укором
В низ подгнившего забора.
Вдруг... в момент засуетилась,
Поспешила бодро в сад,
По пути взяла корзину,
Чтоб собрать гостинец сыну,
Словно, очень нужен сыну

Перезревший виноград.

3.6.

Качает ветер старый клен.
Доносит ветер чей-то стон.
А может это в полусне
Дыханье ветра снится мне.
И гнет тугие тополя
Грусть бесприютная моя?

3.7. Полет

Я лечу над землей...
Я свободный и вольный, как ветер.
Я лечу над землей
Словно ангел, упавший с небес.
Так случилось – ничто меня больше не держит на свете.
Я для этого мира в мгновение ока исчез.

Я упал в никуда...
Я взлетаю все выше и выше.
Так пуржит над землею сгоревшая в пепел зола.
И блестят подо мной чешуей черепичные крыши
И, согретые солнечным светом, церковей купола.

Расстиляется степь, упираясь в безлесые горы,
Мчатся алые маки и синие вены реки,
Вижу нашу «зеленку»* и в тоненьких нитках заборов
Убегают на север знакомые мне кишлаки.

Сверху вижу дома
Сквозь мелькающий винт вертолета,
Вижу, как догорает на желтой дороге броня.
И откуда – то снизу
В эфире по рации кто-то
Я не знаю зачем, называет «двухсотым»* – меня...

3.8. Вальс цвета хаки

Её я знаю много лет,
Хоть с нею не знаком.

И у меня охоты нет,
Махнув рукой на белый свет,
Остаться с ней вдвоем.

Мне страшен омут черных глаз
Магнит ее бедра,
Она со мною хочет вальс,
Я умоляю: «Не сейчас!»
Под тихое: «Пора!»

Она не движется – плывет
Струятся в такт шелка.
Она мне руку подает,
И обжигает, точно лед,
Меня ее рука...

Когда из влажной щели рта
Дыхание, как сон,
Коснется низа живота
И мир накроет пустота,
В тот час я обречен...

3.9. Однажды в Афганистане, в канун зимнего праздника...

Все. Застряли. Торчим, как мишени на голой скале.
Застывает броня и бессильны молитвы и мат.
И летучие звезды, как жаркие искры в золе,
Рассыпает под ноги, сгорая, афганский закат.

А в далекой России рождественский падает снег.
Там стреляют шампанским и там от любви не уснуть.
Там звенят за столами веселые шутки и смех
И неоновым светом мерцает в ночи млечный путь.

Дождались... Загремела скала от разрывов гранат.
И все ближе и ближе ложатся в гранит трассера*.
Нам, наверное, будет непросто вернуться назад.
Нам, наверное, будет непросто дожить до утра...

А в далекой России рождественский падает снег.
Там стреляют шампанским и там от любви не уснуть.
Там звенят за столами веселые шутки и смех
И неоновым светом мерцает в ночи млечный путь.

3.10. Пороша

Летит, летит к земле пороша,
Летит в тиши.
И стебли трав под зимней ношей,
И камыши.
И две молоденькие ивы,
И старый клен.
А снег летит неторопливо
Со всех сторон.
Какая дивная погода,
Какой покой!
Как просто полог небосвода
Стянуть рукой!
И нежных ангелов перину
Легонько взбить...
Жаль, снежный пух и лебединый
Не различить.
Не различить, где луг, где нива,
Где явь, где сон...
А снег летит неторопливо
Со всех сторон.

3.11. Старшина

Кому – Союз.
Кому – война.
А нам с заменой – старшина.
Наш старый прапор*,
Отбыв срок, ушел домой.
Был новый хмур. И то сказать,
Кто может с радостью принять
В наследство жизнь
Между казармой и войной.

Да мы-то здесь не первый день
Мозги от мата набекрень,
А он в наряде рисовал портрет жены!
О том, что будет через год
Никто не думал наперед —
Мы не могли представить жизни без войны.

Под небом гребаной Рухи*
Мы полюбили с ним стихи,
Мы с ним по-новому увидели Восток.

Как говорили дембеля:
Мол, на таких стоит земля.

И старшины с собою брали адресок.

Потом был снайпер. Мать твою!
Под Хостом*. В первом же бою...

4.1. Песенка о броне*

В панамах, «при параде»,

Довольные вполне,
Сухую землю гладим
Бронею на броне.
Надежная, живая,
Из плоти и огня,
Хранит и защищает
Красавица броня.

Выходим до рассвета
При звездах и луне.
Военные билеты
Оставим старшине.
На кой нам документы
И прочая ху. ня?! —
Кивнет интеллигентно
Согласная броня.

Без племени и рода,
Нам родина – Афган!
Воюем за свободу
Для братьев – мусульман.
Хотя, признаться, что-то
Не нравится родня.
Кивает пулеметом
Согласная родня.

Нас дома ждут девчата,
Нас дома ждут друзья,
Полтавские закаты,
Кубанские поля.
Появится замена
Не будем ждать ни дня!
Кивает нам антенной
Согласная броня.

...

А встретится не к месту,
С тобой или со мной
Безглазая невеста,
Разбойница с косой —
Ее поставим «раком»!
Взнуздаем, как коня!
Кивает полным баком
Согласная броня.

4.2. Походная

Нам Бог Любви своим дыханьем сушит губы,
А если вдруг ты заболеешь от тоски,
То Бог Ветров тебе свои покажет трубы,
Что оживляют даже мертвые пески!
Поют ветра. Трубят ветра.
А нам бы только продержаться до утра!
Ты знаешь: служба – это адская работа,
Тротил, да пыль тобою пройденных дорог...
Ты помещаешься в прицеле пулемета,
В который смотрит завоеванный Восток.
И ночь, как черная дыра.
А нам бы только продержаться до утра!
Бог Случай стар и оттого, видать, незрячий.
А значит, всем нам во сто тысяч раз милей
Простая девочка по имени Удача.
Мы все мечтаем стать любовниками ей.
И быть с ней многие века.
Мы слишком часто восходили в облака...

4.3.

Пыльная дорога. Регистанский* зной.
Горы растворились в дымке голубой.
Кишлаки покрыла пыльная вуаль
В зелени растаял Усарадж-Джабаль*.
В солнечной долине показалось мне,
Будто бы иду я по родной стране.
Словно распахнулась
Ширь родных полей
Солнце улыбнулось
В кронах тополей
И взметнулась птицей надо мною та,
Мирного, родного неба высота...

Пыльная дорога. Регистанский зной.
Я иду, счастливый мирной тишиной.
Вдруг,
Прервав течение призрачного сна,
Под ногой
Растяжки*
Лопнула струна...
Только грохот взрыва.
Только черный дым.
И склонилось солнце
Бледное
Над ним.

Баграм, 1986 г.

4.4. Письмо на войну

Пусть боль и грусть проходят мимо,
Тебя минуют стороной.
Я буду ждать тебя, любимый.
Я буду ждать тебя, родной.

Моя любовь неугасима,
Поверь мне, ты всегда со мной.
Я буду ждать тебя, любимый.
Я буду ждать тебя, родной.

Ведь ты вернешься невредимый
С земли, истерзанной войной.
Я буду ждать тебя, любимый.
Я буду ждать тебя, родной.

4.5. Александру Гоньшеву

Александр. Саша. Шурик.
Не какой-нибудь мазурик,
Но при лычках. Это значит
Хоть и младший, а сержант.
Щегольски подшит, подтянут,
Ремнем кожаным обтянут —
Даже в форменной одежде
Вид имел, как сущий франт.

Мы же – зелень, салабоны* —
В общем, чистые погоны,
Да на грех, язык сержанта
Влип в фамилию мою, —
На плацу теперь потею
И одну мечту лелею:
Отслужить.
А там я франта,
Как собаку изобью!

Дни прошли. Потом недели
Карантина пролетели.
Поменял он место службы,
Да и я забыл свой срам...
Но судьба свела нас с «другом»
Не в степи под Оренбургом,

А на юге, у селенья
Под названием Баграм*.

Да... не думал, что я встречу —
Проболтали целый вечер.
(Старшина саперной роты
Мне за то вlepил наряд.).
Что сдружило нас, не знаю.

Может быть, земля чужая,
Но в забытом Богом крае
Я ему был просто рад...

Был он медик в разведроде.
И однажды на работе,
Их усталую колонну
Обстрелял кишлак* свинцом.
Никого не царапнуло.
Разрывная только пуля
В Сашу. В братика. В лицо.

4.6. На смерть десантника

Его сосватали с войной
Кабул* и Файзабад*.
А под Киджолем* в мир иной
Отправился солдат...
Сорвав берет с седых волос,
С ПК* на перевес,
В потертом тельнике* Христос
Сошел к нему с небес...

4.7. Хлорка 84

В морг баграмского* санбата
Привезли с войны солдата —
Да, тогда по адресатам
Многих выслала война!
Только вышла с ним промашка —
Не имел солдат бумажки,
А по порванной тельняшке*
Не узнаешь ни хрена.

Что здесь скажешь? Дело скверно.
В штабе «вешались», наверно —

Морг у нас не безразмерный,
А совсем наоборот.
Был приказ по батальону
О солдатских медальонах
Для команды похоронной,
Если часом зашибет.

Ну, а с парнем этим еле
Разобрались за неделю.
Вышло: лишнюю неделю
Для родных он был здоров.
А решило дело это
Хлорка, выевшая где-то,
Номер выевшая где-то,
От военного билета,
На материи штанов...

4.8.

Над пустыней Регистана*
Звуки – точно сонный бред.
Даже ночь здесь в дымных ранах
Догорающих ракет!

Нет под звездами покоя!
И с мольбой «Аллах велик!»
Слился русский, в пекле боя
Разрывающийся крик.

Слился стон «Аллах» и «мама»...
Шепот «мама!» и «Аллах...»
В гнойных простынях Баграма*,
В лазуритовых горах.

Баграм, 1986 г.

4.9. Молитва дукканщика* Гаффара

Я не бандит.
И не душман*.
Я правоверный мусульман.
Но бьет воинственный набат Исламабад.
О том, что ты велишь, Аллах
Зажечь в кяфирах* смертный страх —
Не для неверных обезьян Афганистан!

Я не из тех, кто круглый год
В кяризах* высохших живет:
И царандой*, и шурави*
Друзья мои.
Но ставлю я для их машин
Второй мешок ребристых мин,
И в верный час пускаю в ход
Гранатомет.

Из Пакистана деньги шлют...
Что ж, убивать – нелегкий труд.
Смерть в необъявленной войне
В большой цене.
И если дело все в деньгах?
Велик воистину Аллах
Что выбрал он из многих стран,
Афганистан!

Баграм, 1985 г.

4.10. Рассказ

Возвращаясь домой, наша группа попала в засаду.
Подорвалась машина. Меня отшвырнуло с брони,
И спасла меня тень от большого куста винограда.
В винограде меня не заметили видно они...
Помню, видел троих, – их худые сутулые спины.
И отчетливо слышал гортанный чужой разговор.
Суетились они у подорванной нашей машины
И я видел, как раненых там добивали
В упор...
Пыльный, солнечный модуль*,
Больничные, бледные лица.
Занавески на окнах – роскошный военный уют.
Я мечтал об одном: поскорее заснуть и забыться
И одно только помнить, – что любят меня и что ждут.
Под Баграмом* санбат, знаю, многим покажется раем,
Для солдата санбат – что для древних паломников Рим.
Только я и во сне воевал и давился сухпаем*,
Только я и во сне продолжал пробиваться к своим.

Мне сейчас говорят, что с войной этой вышла ошибка —
Мол, война нам нужна, как счастливому евнуху хрен.
И тогда, я к лицу примеряю пустую улыбку.
Как протезы свои
Примеряю
Чуть выше колен.

4.11. Баллада о возвращении

Он в двадцать лет лишился ног,
А взвод в грязи кровавой лег...
Был ранний час...
С крутых хребтов стекал рассвет,
Дымилась черная броня,
Его от смерти заслоня.
Поспела помощь. Вот он жив.
А взвода нет.

Он в двадцать лет лишился ног,
А взвод в грязи кровавой лег.
Что жив остался он один – его ль вина?
Он выжил – духам всем назло.
Врачи сказали: повезло!
Теперь прощай!
Теперь домой.
Встречай, страна!

– «Зачем мне этот инвалид?! —
Меня от целого тошнит!
Сама представь, каков с такого мужа прок.
Его ночами током бьет, —
Он спать мне, сволочь не дает.
Уж не ждала,
Так нет, вернулся. Голубок...»

– «Ты посмотри, какой герой!
Да ты хоть носом землю рой!
Да у меня таких, как ты, хоть пруд пруди.
То старикам все дай да дай.
Теперь вот вам. Хоть впрямь, рожай!
Ты подожди.
Ты подожди.
Ты подожди...»

– «Вы воевали молодцом, —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.